Содержание

Денис Кондаков, Александр Строев.
«Русские парижанцы» в век Просвещения 5

Полицейские донесения 103

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744) 105

Семен Кириллович Нарышкин (1710–1775) 131

Алексей Леонтьевич (Генрих) Гросс (1714–1765) 138

Граф Петр Федорович Апраксин (1728–1811) 227

Князь Андрей Михайлович Белосельский (1735–1779) 229

Сергей Алексеевич Пушкин (ок. 1737 — 1795) 239

Князь Петр Иванович Репнин (?–1778) 252

Граф Сергей Васильевич Салтыков (1726 или 1729–1807),
графиня Матрена Павловна Салтыкова (?–1813) 256

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын (1734–1803) 260

Граф Дмитрий Михайлович Матюшкин (1725–1800) 263

Граф Петр Александрович Бутурлин (1734–1787) 271

Николай Константинович Хотинский (1727–1811) 276

Граф Яков Александрович Брюс (1732–1791),
графиня Прасковья Александровна Брюс (1729–1786) 287

Иван Иванович Шувалов (1727–1797) 292

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803) 297

Князь Михаил Васильевич Долгорукий (1746–1791) 298

Принц Карл Эрнст Курляндский (1728–1801) 301

Граф Александр Сергеевич Строганов (1733–1811),
графиня Екатерина Петровна Строганова (1744–1815) 308

Князь Федор Сергеевич Барятинский (1742–1814),
княгиня Мария Васильевна Барятинская (?–1813) 316

Князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский
(1752–1809) 324

Граф Иван Григорьевич Чернышев (1726–1797) 326

Князь Иван Сергеевич Барятинский (1740–1811) 328

Князь Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783) 398

Александр Николаевич Зиновьев (1749?—1824),
Василий Николаевич Зиновьев (1755–1827) 404

Баронесса Анна-Кристина фон Корф (1775–1791) 408

Граф Михаил Петрович Румянцев (1751–1811),
граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826),
граф Сергей Петрович Румянцев (1755–1838) 411

Князь Николай Борисович Юсупов (1750–1831) 417

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810) 419

Граф Петр Кириллович Разумовский (1751–1823),
графиня Софья Степановна Разумовская (1746–1803) 422

Граф Павел Мартынович Скавронский (1757–1793),
графиня Мария Николаевна Скавронская (1729–1804) 432

Иван Иванович Хемницер (1745–1784) 435

Гавриил Ильич Бибиков (1746–1803) 436

Граф Андрей Петрович Шувалов (1744–1789),
графиня Екатерина Петровна Шувалова (1743–1817) 439

Граф Алексей Семенович Мусин-Пушкин (1730–1817) 454

Денис Иванович Фонвизин (1745–1792) 456

Граф Андрей Андреевич (Готхард Андреас)
фон Мантейфель (1762–1832) 457

Иван Матвеевич (Иоганн Маттиас) Симолин (1720–1799) . . 459

Иван Иванович Мелиссино (1718–1795) 527

Граф Иван Петрович Салтыков (1730–1805),
графиня Дарья Петровна Салтыкова (1739–1802) 529

Баронесса Наталья Михайловна Строганова (1743–1819),
барон Александр Сергеевич Строганов (1771–1815) 533

Александр Николаевич Самойлов (1744–1814) 535

Граф Григорий Иванович Чернышев (1762–1831) 536

Александр Павлович Машков (Мошков) (1760–?) 537

Князь Федор Сергеевич Гагарин (1757–1794) 540

Василий Сергеевич Ланской (1754–1831),
Яков Дмитриевич Ланской (1765?–1820?) 542

Степан Алексеевич Колычев (1746–1805) 545

Петр Петрович Дубровский (1754–1816) 547

Князь Андрей Иванович Вяземский (1754–1807) 549

Осип Михайлович Дерибас (Хосе де Рибас) (1751–1800) . . . 550

Граф Аркадий Иванович Морков (Марков) (1747–1827) . . . 551

Иван Иванович Тревогин (1761–1790) 553

Князь Владимир Борисович Голицын (1731–1798),
княгиня Наталья Петровна Голицына (1744–1837) 554

Князь Николай Абрамович Путятин (1749–1830) 571

Граф Алексей Григорьевич Бобринский (1762–1813) 572

Алексей Васильевич Шкурин (ок. 1761 — ?) 577

Князь Михаил Андреевич Голицын (1765–1812) 578

Князь Николай Алексеевич Голицын (1751–1809) 579

Александр Петрович Ермолов (1754–1835) 580

Князь Федор Федорович Щербатов (1729–1791) 582

Барон Григорий Александрович Строганов (1770–1857),
граф Павел Александрович Строганов (1772–1817) 583

Баронесса Варвара Юлия фон Крюденер (1764–1824) 585

Василий Яковлевич Колокольников (1758–1792),
Максим Иванович Невзоров (1762–1827) 586

Князь Иван Иванович Барятинский (1772–1825) 588

Указатель имен российских подданных и лиц,
состоявших на российской службе 589

Указатель иностранных имен 599

Денис Кондаков, Александр Строев

«Русские парижанцы» в век Просвещения

Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:
Ибо всё держишь в себе благородно,
Богам, богиням ты место природно.
В. К. Тредиаковский.
Стихи похвальные Парижу

Эта книга — плод долгой коллективной работы. В 2012–2013 гг. вместе с магистрантами кафедры компаративистики Университета Новая Сорбонна мы отыскали и переписали в архиве Министерства иностранных дел Франции в фонде слежки за иностранцами все полицейские донесения, где упоминались русские (1771–1791)[1]. Парижские инспекторы представляли отчеты по сообщениям осведомителей, далее они редактировались, систематизировались, переписывались и обычно еженедельно, по пятницам, пересылались в МИД. Затем мы присоединили к ним разрозненные дела 1743–1747 гг. из архива МИДа, из фонда «Мемуары и документы»[2]. Часть донесений 1740–1760 гг. хранится в библиотеке Арсенала.

К ним добавляются донесения полиции нравов, следившей за актерками, домами терпимости и содержанками, которые инспектор Маре посылал генерал-полицмейстеру Парижа Антуану де Сартину в 1759–1777 гг.[3] Это самая яркая и забавная часть, ибо полицейские инспекторы, зная, сколь король Людовик XV был охоч до пикантных историй, писали элегантно и иронично. Увы, его внук Людовик XVI подобными материалами не интересовался, и источник вдохновения иссяк.

Третий тип документов составляют следственные дела подданных Российской империи, отправленных в тюрьму за долги

---

[1] Archives du ministère des Affaires étrangères. F. Contrôle des étrangers, 1771–1791. 94 vol.

[2] Archives du ministère des Affaires étrangères. F. Mémoires et documents. France, 1608, 1609.

[3] BnF. Manuscrits. Fonds Français. № 11357–11360.

и мошенничество, а также французского авантюриста, обвиненного в шпионаже[1]. Мы использовали только небольшую часть их, ибо они заслуживают отдельного издания.

Все вместе эти материалы дают довольно полную картину жизни русских в Париже XVIII века и заодно позволяют проследить, как менялись методы работы полиции на протяжении столетия.

Донесения полиции нравов и надзора за иностранцами, следственные дела, сохранившиеся во французских архивах, описывают повседневную жизнь более шестисот подданных Российской империи, проживавших в Париже в век Просвещения. Осведомители следят за вельможами, дипломатами и писателями, фаворитами и сыновьями императрицы Екатерины II, учеными и врачами, за графами Воронцовыми, Разумовскими, Румянцевыми, Салтыковыми, Шуваловыми, Чернышевыми, Строгановыми и Орловыми, за князьями и княгинями Белосельскими, Барятинскими, Долгорукими, Голицыными, Кантемирами и Дашковыми, а также за Денисом Фонвизиным, Иваном Хемницером, Максимом Невзоровым и другими. Они шпионят за ними в частных особняках и посольствах, в салонах и литературных собраниях, в домах свиданий и загородных домах, вплоть до альковов.

Россияне водят дружбу с Дидро и Мармонтелем, посещают Руссо, переписываются с Вольтером, печатаются во «Французском Меркурии». Они представляются ко двору в Версале, посещают масонские ложи, а во время Революции — Национальное собрание. Граф Александр Строганов, семьи Шуваловых и Голицыных сами держат салоны и открытые столы, задают балы и концерты, и, благодаря полицейским донесениям, мы знаем имена их гостей. Они с восторгом погружаются в светскую жизнь, шьют наряды у лучших портных, в том числе у модистки королевы Марии-Антуанетты, наслаждаются изысканной кухней и винами, спектаклями и актрисами.

Донесения позволяют описать круг общения дипломатов Антиоха Кантемира, Дмитрия Голицына, Фридриха Мельхиора Гримма, Ивана Барятинского, знакомство Семена Нарышкина с ученым Луи-Бертраном Кастелем, Алексея Гросса с маркизом де Стенвилем, отцом герцога де Шуазеля, проследить за деятельностью

[1] BnF. Bibliothèque de l'Arsenal. Archives de la Bastille.

Жильбера Ромма и его воспитанника Павла Строганова в начале Революции, за пребыванием в Париже вице-канцлера Михаила Воронцова в мае 1746 г. и графа и графини Северных (великого князя Павла Петровича и Марии Федоровны) в мае-июне 1782 г.

Они раскрывают с новой стороны работу парижской полиции в эпоху Просвещения. Если в начале века она предстает как хорошо отлаженная карательная машина, обеспечивающая тотальную слежку, то позднее она стремится также к исправлению нравов. Если в 1730–1740 гг. осведомители принуждены изыскивать благовидные предлоги, дабы проникнуть в дома приезжих, рискуя попасть под град палочных ударов от слуг, то затем генерал-полицмейстеры Антуан де Сартин и Жан-Шарль-Пьер Ленуар наносят визиты знатным иностранцам, иногда вызволяют тех, кто попал в затруднительные положение, и не отправляют их без раздумья в тюрьму за долги, как раньше. Полиция тесно сотрудничает с министерством иностранных дел, при необходимости советуется с русскими дипломатами и Гриммом, доверенным лицом Екатерины II.

Несмотря на ошибки и неточности, донесения рисуют вполне достоверные портреты русских дворян. В первую очередь правонарушителей: профессиональных картежников (граф Дмитрий Матюшкин, полковник Гавриил Бибиков), злостных должников (Сергей Пушкин, принц Карл Курляндский), распутников (Сергей Салтыков, Кирилл Разумовский, Андрей Белосельский и др.). «Французские Лаисы» обирают приезжих по всем правилам искусства, а заодно дают им уроки парижской жизни. Другие дамы заводят более-менее постоянные связи с русскими, получают от них ренту, рожают детей, живут почти семейной жизнью многие годы, как актриса Деглан с советником посольства Николаем Хотинским.

Полиция нравов иронично и красочно описывает похождения россиян: они сорят деньгами, содержат танцовщиц, подхватывают дурные болезни, проигрываются в пух и прах, подделывают векселя, влезают в огромные долги, попадают в тюрьму. Эти донесения читаются словно романы. Мы следим за приключениями персонажей новеллы Дидро «Мистификация» князем Дмитрием Голицыным и девицей Дорне, за прототипами «Пиковой дамы» Пушкина.

Русская колония в Париже XVIII столетия — отнюдь не зеркало Российской империи. Однако она позволяет лучше понять устремления и чаяния русского дворянства эпохи Просвещения, их психологические комплексы, непростые отношения с власть предержащими на чужбине и на родине. «Русские парижанцы», воспитанные на французской культуре, сталкиваются с реалиями французской жизни, далекими от идеала. Литературный персонаж, созданный Вольтером и воспетый его подражателями, осмеянный графом Дмитрием Хвостовым и Денисом Фонвизиным, стал заметной фигурой в Париже (как свидетельствует Луи-Себастьян Мерсье) и вызвал пристальное внимание королевской власти и, разумеется, полиции.

Во французском варианте книги[1] мы поместили в хронологическом порядке все сохранившиеся донесения за период с 1729 по 1791 г. и часть следственных дел из архива Бастилии. Для контекста мы добавили послание министра иностранных графа де Вержена 1782 г., письма девиц легкого поведения к графу Ивану Салтыкову, а также список русских дворян, приезжавших пить минеральные воды и лечиться в бельгийский город Спа в 1757–1791 гг., — он позволяет установить личность некоторых из тех, кто был в Париже. Мы сердечно благодарим коллег, которые щедро поделись с нами сведениями и документами: Владимира Яковлевича Береловича, Катрин Вольпияк-Оже, Рашель Кутюр, Владислава Станиславовича Ржеуцкого и, разумеется, Игоря Игоревича Федюкина, который затем отредактировал русское издание.

По договоренности с издателем русский вариант книги мы сократили и построили принципиально иначе: по персоналиям. Мы отобрали донесения, описывающие парижскую жизнь самых известных русских вельмож, дипломатов, литераторов. Подчеркнем, что и во французском варианте книги учтены отнюдь не все русские, приезжавшие во Францию, ибо за многие годы донесения не сохранились, кого-то полиция не заметила, кто-то жил не в столице, а в провинции и т. д. (мы еще к этому вернемся).

---

[1] *Kandakou D., Stroev A.* Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'œil de la police. Paris: L'Harmattan, 2024.

Как издавали донесения

Публикация документов из архива полиции началась во время Французской революции. В 1789 г., вскоре после взятия Бастилии, авантюрист, журналист и революционер Жан-Луи Карра (1742–1793, гильотинирован) напечатал «Подлинные исторические мемуары о Бастилии», куда включил документы из следственного дела принца Карла Курляндского[1]. Как водится, он пересказал жизнь принца и историю России на свой лад. Самый интересный из напечатанных им документов, письмо от Джакомо Казановы к принцу об изготовлении золота алхимическим путем, пропал из архива[2], тогда как копии других писем сохранились. Книгу перевели и издали в Германии и Англии[3], европейская пресса перепечатала дело Карла Курляндского[4]. Казанова, живший в Богемии, разозлился на то, что журналисты выставили его шарлатаном, и в 1792 г. включил свой вариант этого письма в мемуары[5].

Другой революционер, депутат Конвента Луи-Пьер Манюэль (1751–1793, гильотинирован), бывший полицейский осведомитель и вестовщик, издал книгу «Разоблаченная парижская полиция» (1791), также используя архив Бастилии. Он включил в нее материалы полиции нравов об актерках и девицах легкого поведения[6]. Манюэль отобрал понравившиеся ему донесения, переписал их на свой лад, выбросил даты и превратил в забавные истории. Источники некоторых из них мы так и не нашли, в том числе описанного им забавного происшествия с Дмитрием Матюшкиным, объявленным им поляком: «Граф Матуски спал на груди

---

[1] *Carra J.-L.* Mémoires historiques et authentiques sur la Bastille, dans une suite de près de trois cents emprisonnements, détaillés et constatés par des pièces, notes, lettres, rapports, procès-verbaux trouvés dans cette forteresse, et rangés par époques depuis 1475 jusqu'à nos jours, etc… Londres; Paris: Buisson, 1789. T. 3. P. 202–233.

[2] Сохранилось лишь упоминание о нем: BnF. Arsenal. F. Bastille. № 12347.

[3] *Reichardt R.* The French Revolution as a European Media Event. // EGO (European History Online). URL: http://www.ieg-ego.eu/reichardtr-2010-en.

[4] Journal des Révolutions de l'Europe en 1789 et 1790. Neuwied et Strasbourg, 1790. X. 138–156 (письмо Казановы, p. 146–150).

[5] *Casanova G.* Histoire de ma vie. T. 3. Paris: Gallimard, 2015. P. 389.

[6] *Manuel L.-P.* La police de Paris dévoilée. Paris; Strasbourg; Londres: Garnery; Treuttel; Boffe, L'an second de la Liberté [1791]. T. 1. P. 322–370; T. 2. P. 1–22, 86–230.

девицы Дюте, когда герцог де Дюрфор[1] разбудил их обоих. Поляк бросился бежать, француз за ним. Стража, увидав его в одной рубашке, укутала его в плащ»[2].

Историки XIX века Лоредан Ларше, Камий Питон и Артюр де Буалиль издавали самые любопытные донесения, а именно материалы полиции нравов[3]. Франсуа Равессон и Франц Функ-Брентано, хранитель библиотеки Арсенала, изучали и публиковали бастильские архивы[4]. Жюль Маторес использовал их в книге «Иностранцы в дореволюционной Франции: история народонаселения»[5]. Григорий Лозинский одним из первых занялся полицейскими донесениями о русских в Париже. В 1925 г. он посвятил три статьи Антиоху Кантемиру, в которых также использовал документы Национального архива о кончине князя[6]. В последние годы историки все чаще обращаются к этим источникам: назовем, в частности, превосходные работы Эрики-Мари Бенабу, Жана-Франсуа Дюбоста и Антуана Лилти[7]. Мы

---

[1] Видимо, Эмманюэль-Фелисите де Дюрфор, герцог де Дюрас (1715–1789), маршал, дипломат, член Французской академии, директор парижских театров.

[2] *Manuel L.-P.* La police de Paris dévoilée. T. 2. P. 155–156.

[3] Journal des inspecteurs de M. de Sartine / Éd. L. Larchey. Bruxelles; Paris: Parent; Dentu, 1863; Paris sous Louis XV: rapports des inspecteurs de police au roi / Éd. C. Piton. T. 1–5. Paris: Mercure de France, 1905–1914; Lettres de M. de Marville, lieutenant général de police, au ministre Maurepas (1742–1747) / Éd. A. de Boislisle. T. 1–3. Paris: H. Champion, 1896–1905.

[4] Archives de la Bastille / Éd. F. Ravaisson. Paris: A. Durand et Pedone-Lauriel, 1866–1904; *Funck-Brentano F.* Les Lettres de cachet à Paris: étude, suivie d'une liste des prisonniers de la Bastille (1659–1789). Paris: Imprimerie nationale, 1903.

[5] *Mathorez J.* Les étrangers en France sous l'Ancien régime: histoire de la formation de la population française. Paris: E. Champion, 1919–1921. T. 1–2.

[6] *Lozinski G.* Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741) // Le Monde slave. 1925. T. II. P. 223–247; *Idem.* Trois épisodes de l'ambassade de Cantemir à Paris // Le Monde slave. 1925. T. III. P. 402–421; *Idem.* Le prince Antioche Cantemir, poète français // Revue des études slaves. T. 5/3–4. 1925. P. 238–243.

[7] *Benabou E.-M.* La Prostitution et la police des mœurs à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 1987; *Dubost J.-F.* Les étrangers en France, XVIe siècle–1789. Guide des recherches aux Archives nationales. Paris: Archives nationales, 1993; *Idem.* L'étranger dans la France d'Ancien Régime: ambiguïtés d'une perception // L'image de l'autre dans l'Europe du Nord-Ouest à travers l'histoire / Éd. J.-P. Jessenne. Lille: IRHiS, 1996. P. 33–42; *Idem.* Les étrangers à Paris au siècle des Lumières // La ville promise. Mobilité et accueil à Paris (fin XVIIe — début XIXe siècle) / Éd. D. Roche. Paris: Fayard, 2000. P. 221–228; *Idem.* Naissance de la police des étrangers dans le royaume de France (XVIe–XVIIIe siècles) // Police et migrants: France, 1667–1939 / Éd. M.-C. Blanc-Chaléard [et al.]. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001. P. 33–49; *Lilti A.* Le monde des salons: sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris: Fayard, 2005.

использовали работы наших предшественников, уточняя и дополняя их сведения.

Как работала французская полиция

В эпоху Просвещения французская полиция считалась лучшей в Европе. Усилиями ее высших чинов была создана эффективная система внешнего наблюдения, поквартальной слежки, а также разветвленная сеть осведомителей, в том числе слуг, работавших у знатных иностранцев. Однако сведения, добытые таким способом, не могут быть абсолютно полными и точными. Полицейские зачастую путают родственников (Голицыных, Салтыковых, Шуваловых). Агенты записывают русские фамилии на слух, на французский, немецкий или польский лад. Так, Фонвизин стал г-ном де Визини, а Иван Хемницер — г-ном Хенниценом. При этом последнего представили как офицера, собиравшего военные сведения в Германии и с этой же целью приехавшего во Францию[1], т. е. как шпиона. А когда дело доходит до ливонцев, то полицейский, не слишком утруждаясь, переписывает одни и те же сведения.

В донесениях упоминается более шестисот подданных Российской империи, посетивших в Париж, но в действительности их было намного больше. Полиция следит в первую голову за дипломатами и аристократами, живущими подолгу в Париже, за богатыми и знатными путешественниками. Их слуги в отчеты не попадают, так же как, за редкими исключениями, мещане, купцы и студенты. Между тем многие пансионеры петербургской Академии художеств, отправленные на учебу в Париж, стали затем знаменитыми художниками, скульпторами, архитекторами.

Не найдем мы в публикуемых донесениях, увы, и имен многих русских писателей, приезжавших в Париж. Отсутствие Василия Тредиаковского, который посещал занятия в Сорбонне в 1727–1729 гг., или писателя и переводчика Ерофея Каржавина (жил в Париже с 1746 г. до начала 1760-х), можно объяснить тем, что плохо сохранились донесения этого времени. Что до племянника последнего, писателя и авантюриста Федора Каржавина, который трижды бывал в Париже (во второй раз под вымышленной

[1] Русские парижане. С. 435 (донесение от 7 марта 1777 г.).

французской фамилией), то полицейские его заметили только в 1788 г. Нет в донесениях и Николая Карамзина, рассказавшего о своем пребывании в Париже в 1790 г. в «Письмах русского путешественника». Его приезд остался незамеченным, вероятно из-за того, что после Революции слежка за иностранцами пришла в упадок (добавим, что в начале века под руководством Фуше она расцвела). Кроме того, как следует из донесения рижской пограничной полиции, хранящегося в АВПРИ, Николай Михайлович Карамзин выехал из России в 1789 г. под именем Николай Михайлов, а такая фамилия привлечь внимание полицейских не могла.

Чтобы точно установить, кто именно приезжал в Париж, мы использовали многочисленные источники, в первую очередь воспоминания, письма и дневники русских путешественников, а также списки отдыхавших на водах в Спа и посетителей масонских лож[1].

Полиция в царствования Людовика XV и Людовика XVI

В век Просвещения французские литераторы клянут парижскую полицию, простолюдины ненавидят доносчиков[2], а вот чужеземцы, включая государей, ею живо интересуются. Императрица Мария-Терезия желает знать, как именно поддерживается порядок в столице, и комиссар Жан-Батист-Шарль Лемер пишет для нее подробный отчет[3]. Для XXI статьи «Наказа» Уложенной комиссии «О благочинии, называемом инако Полициею» (1768) Екатерина II воспользовалась французским опытом, а в 1773–1774 гг. попросила приехавшего в Петербург Дени Дидро рассказать ей и написать о полиции и деятельности правосудия[4].

Русские путешественники почитают полицию за одну из парижских достопримечательностей. Денис Фонвизин в письме

---

[1] *Bakounine T.* Répertoire biographique des francs-maçons russes. Paris: Institut d'études slaves, 1967; *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. М.: РОССПЭН, 2001; *Beaurepaire P.-Y.* L'Autre et le Frère: l'étranger et la franc-maçonnerie en France au XVIIIe siècle. Paris: H. Champion, 1998.

[2] О репутации полиции см.: *Milliot V.* «L'admirable police». Tenir Paris au siècle des Lumières. Ceyzérieu: Champ Vallon, 2016.

[3] [*Le Maire J. B. Ch.*] La police de Paris en 1770: mémoire inédit composé par ordre de G. de Sartine sur la demande de Marie-Thérèse / Éd. A. Gazier. Paris: S.n., 1879.

[4] *Diderot D.* Mémoires pour Catherine II / Éd. P. Vernière. Paris: Garnier, 1966 («Sur notre police», «De l'administration de la justice»).

к Петру Панину, написанном уже за пределами Франции (Аахен, 18 (29) сентября 1778 г.), как ему свойственно, начинает за здравие, а кончает за упокой:

> Полиция парижская славна в Европе. Говорят, что полицеймейстер их всеведущ; что он, как невидимый дух, присутствует везде, слышит всех беседы, видит всех деяния[1], и, кроме одних помышлений человеческих, ничто от него не скрыто. Поздравляю его с таким преестественным проницанием; но при сем небесном даре желал бы я ему лучшего обоняния, ибо на скотном дворе у нашего доброго помещика чистоты гораздо больше, нежели пред самыми дворцами французских королей[2]. <…> Что же касается до безопасности в Париже, то я внутренне уверен, что всевидение полицеймейстера не весьма действительно и польза от полицейских шпионов отнюдь не соответствует той ужасной сумме, которую полиция на них употребляет. Грабят по улицам и режут в домах нередко[3].

Подобные филиппики, критикующие дороговизну полиции, произносят и сами французы[4].

Однако Жан-Шарль-Пьер Ленуар, генерал-полицмейстер в 1774–1775, 1776–1785 гг., истинный человек Просвещения, отстаивает принцип «благочиния» («une douce police»). Он уподобляет полицию хорошо действующему отлаженному механизму[5]. Так же, как его предшественник Антуан де Сартин, Ленуар полагает, что лучше не только карать, но и воспитывать, по мере возможности улучшать нравы. Ленуар прекрасно понимал, что дело это непростое:

---

[1] Фонвизин сравнивает полицмейстера с героем романа Алена-Рене Лесажа «Хромой бес» (1707).

[2] Эта гипербола, увы, соответствует действительности. См.: *Corbin A.* Le Miasme et la jonquille. L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe — XIXe siècles. 2e éd. Paris: Flammarion, 1986.

[3] *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 489.

[4] Например, в анонимном памфлете «Игроки и г-н Дюсо» («Les joueurs et Monsieur Dusaulx», 1781); см. *Freundlich F.* Le monde du jeu à Paris, 1715–1800. Paris: Albin Michel, 1995. P. 25–72; *Milliot V.* «L'admirable police». P. 146.

[5] См.: *Milliot V.* Un policier des Lumières, suivi de Mémoires de J. C. P. Lenoir (1732–1807), ancien lieutenant général de police de Paris, écrits dans les pays étrangers dans les années 1790 et suivantes. Seyssel: Champ Vallon, 2011.

> В городе, населенном людьми из всех стран, где каждую минуту что-то происходит, где страсти никогда не утихают, где непременно у всех горожан разные привычки и образ жизни, невозможно постоянно поддерживать одинаковые, ровные и строгие нравы[1].

Однако генерал-полицмейстер предпочитал предотвращать преступления, злоупотребления или распутство, а не расследовать их. Гласная опека дополняла наружное наблюдение. Инспекторы полиции стремились распутывать дела, в которых были замешаны знатные русские, и действовать со всей возможной осмотрительностью.

Методы наблюдения: сбор сведений, сеть осведомителей, слежка

Официально слежка за иностранцами установилась в начале XV в., когда домовладельцев и хозяев гостиниц обязали извещать парижского прево о своих постояльцах. В 1611 г. полицейский устав вменяет в обязанность инспекторам полиции наблюдать за приезжими во вверенных им кварталах[2]. Слежка сохранилась на века. Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863, «Глава IV и не лишняя для путешественников») описывает сперва внимательную пограничную слежку, а затем донесения владельцев парижской гостиницы:

> В отеле, в котором я остановился, немедленно описали все малейшие приметы мои и сообщили их, куда следует. По точности и мелочности, с которой рассматривают вас при описании примет, можно заключить, что и вся дальнейшая ваша жизнь в отеле, так сказать, все ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочем, на первый раз в отеле меня лично не много беспокоили и описали меня втихомолку, кроме, разумеется, тех вопросов, какие задаются вам по книге, и в нее же вы вписываете показания ваши: кто, как, откуда, с какими помыслами? и проч.[3]

---

[1] Mémoires de J.C.P. Lenoir. P. 495.

[2] *Dubost J.-F.* Naissance de la police des étrangers dans le royaume de France (XVIe–XVIIIe siècle).

[3] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 66.

Сведения о постояльцах поступали в особый отдел полиции, созданный в начале царствования Людовика XV, когда после преступлений разбойника Картуша, казненного в 1721 г., возникли новые приемы слежки[1]. Как показывает Рашель Кутюр, служба безопасности и служба наблюдения за приезжими разделились лишь в 1747 г.[2] Это произошло в первую очередь по политическим причинам. Министерство иностранных дел желало знать все о дипломатах и государственных деятелях, проживавших в Париже. Однако для этого была необходима большая сеть осведомителей, отличная от той, которая следила за частными лицами. А для полиции, как считает Даниель Рош, политические резоны (государству нужно знать, с кем встречаются иностранцы, как ведут себя, каковы их взгляды) менее важны, чем экономические: знатные чужеземцы могли наделать долгов и ввести в убыток парижских купцов и ремесленников[3]. Потому, как уже было сказано, полиция следила в первую очередь за вельможами, за Воронцовыми, Шуваловыми, Строгановыми, Чернышевыми, Голицыными и другими, не обращала особого внимания на приезжих со скромным достатком (Денис Фонвизин, Федор Каржавин, Родион Кошелев) и не замечала слуг, студентов и пр.

Если в 1740-е гг., во время Войны за австрийское наследство, в которой Россия противостоит Франции, тема шпионажа часто возникает в донесениях, то в конце века, в царствование Людовика XVI, она уходит на периферию, отчеты становятся более сухими и стереотипными. Однако полиция, вероятно по указанию свыше, пристально следила за оппозиционным политическим салоном Андрея Шувалова в 1777–1781 гг., во время войны за независимость США (мы к этому вернемся позже). В эти же годы полиция 22 раза сообщает о том, что русские военные моряки

---

[1] *Peveri P.* Clandestinité et nouvel ordre policier dans le Paris de la Régence: arrestation de Louis-Dominique Cartouche // Clandestinités urbaines. Les citadins et les territoires du secret (XVIe–XXe) / Éd. S. Aprile, E. Retillaud-Bajac. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2008. P. 151–170.

[2] *Couture R.* «Inspirer la crainte, le respect et l'amour du public»: les inspecteurs de police parisiens, 1740–1789. Thèse de doctorat, sous la dir. de P. Bastien et V. Milliot. Université de Caen Normandie et Université du Québec à Montréal, 2013. P. 283–285.

[3] *Roche D.* Les circulations dans l'Europe moderne (XVIIe-XVIIIe siècle). Paris: Pluriel, 2011. P. 454–455.

едут через Париж в Брест, где находится объединенный французско-испанский флот. Одновременно полиция в Бресте получает задание усилить слежку в городе[1], вероятно, дабы предупредить возможную шпионскую деятельность.

В 1770–1780-е гг. полиция уделяет все больше и больше внимания русским. Из общего числа упоминаний об иностранцах о русских говорится в 6,7% донесений в 1774 г., 10,3% в 1775 г., 17% в 1781 г. Больше следят только за англичанами и немцами, подданными враждебных государств[2]. Видимо, эта статистика отражает роль Российской империи в европейской политике и рост ее военной мощи.

Слежка за приезжими, как уже было сказано, ведется по кварталам. Хозяева постоялых дворов и меблированных комнат подают полиции сведения о приезжих (национальность, возраст, социальное положение, профессия). Затем, в случае необходимости, устанавливается наружное наблюдение. Однако оно не всегда эффективно, ибо зачастую соглядатаи не слишком усердны, а дипломаты, обнаружив слежку, уходят от нее.

Так, осенью 1741 г. парижская полиция не может установить личность некоего «Кянкина», состоящего в родстве с Петром I. Все уловки тщетны, в том числе слежка за его банкиром Кристоф-Жаном Бауром, видным масоном, и за русским послом князем Антиохом Кантемиром, который принимает «Кянкина» каждый день. Ни маркиз д'Аржансон, ни генерал-полицмейстер Клод-Анри Фейдо де Марвиль не могут узнать его подлинное имя: Семен Кириллович Нарышкин[3].

Слежка за «Кянкиным» показывает также, насколько осмотрителен князь Кантемир. Его преемник, Алексей Гросс, не менее осторожен. 20 декабря 1746 г. соглядатай доносит: «Был в Версале, а воротившись, выехал один на фиакре и сказал кучеру: „Как будешь на улице Вожирар, я скажу, куда нужно ехать". Неизвестно, где он был, никто за ним не следил»[4].

---

[1] *Milliot V.* «L'admirable police». P. 119.

[2] *Dubost J.-F.* Naissance de la police des étrangers dans le royaume de France (XVIe–XVIIIe siècle). P. 256–257.

[3] См.: *Lozinski G.* Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741).

[4] Русские парижане. С. 196.

Когда наружное наблюдение не дает желаемых результатов, в дом внедряют своего человека в качестве слуги или просто подкупают лакея. Но это проходит не всегда, ибо дипломаты тоже не лыком шиты. Инспектор Жан Пуссо, следивший за иностранцами с 1741 по 1747 г., сетовал, что князь Кантемир «слишком осторожен; нет никакого средства внедрить к нему в дом человека, он берет в услужение лишь тех, кто ему рекомендован иным послом, и имеет за правило не пускать к себе на порог тех, кто вышли от него со службы»[1]. Однако некий Шантийи сумел подружиться со слугами князя и стал выведывать у них, что говорят в доме о политике.

Но и этот источник доверия не вызывает. Соглядатаи, и том числе Шантийи, могут приврать, ошибиться, а иногда их нарочно вводят в заблуждение. Сорок лет спустя, уходя в отставку, генерал-полицмейстер Ленуар оправдывается перед графом де Верженом:

> Поданные мне отчеты, кои я имею честь препроводить вам, могут проистекать лишь из наблюдений и того, что говорят в домах иностранных посланников. За ними нельзя вести наружное наблюдение, как при обычной слежке, а не при постоянной. Поэтому полицейские инспекторы всегда стремятся получить полезные сведения от слуг, которые за хорошую плату передают им записки и сведения, на основе которых составляются полицейские отчеты. Неудивительно, и этого следовало ожидать, что среди множества донесений можно найти не слишком точные и даже превратные.
>
> Мы оба [Ленуар и Тиру де Крон, его преемник] просим вас учесть, что слежка за иностранцами — дело трудное, что неожиданности и ошибки у всех бывают и что надо иногда проявлять снисходительность[2].

Учитывая, что сведения от соглядатаев особого доверия не вызывают, полиция изыскивает более надежные способы узнать, что говорят и делают иностранцы, в первую очередь дипломаты. У них были заветные места, где они обедали, играли, говорили о политике. В 1740-е гг. они собирались у бакалейщика Прево

---

[1] Русские парижане. С. 111. (11 октября 1741 г.).

[2] *Kandakou D., Stroev A.* Les Russes à Paris. P. 24 (письмо от 23 июля 1785 г.).

на улице Святой Маргариты, напротив тюрьмы аббатства Сен-Жермен. Согласно донесениям, в мае-июле 1744 г. там играли в карты всякий день, даже на Страстную неделю, туда заглядывали даже монахи. Поговаривали, будто жена и дочь бакалейщика ублажали гостей[1]. 16 августа 1744 г. полиция нагрянула в заведение с обыском и принудила Прево шпионить за посетителями[2]. Сохранились также весьма любопытные доносы его супруги, свидетельствующие, что дипломаты были настороже. 18 августа 1746 г. Алексей Гросс и Мессе, секретарь вюртембергского посланника, беседовали у бакалейщицы:

> 19 августа [?] 1746
>
> Вчера господа Гросс и Мессе явились ко мне, спросив ужина, и я подслушала следующие новости. Г-н Гросс весьма удивлен, что герцог Монтелимар войдет в испанский совет. Г-н Гросс зачитал г-ну Мессе письмо на языке, коего я не разумею. Тот хотел что-то ответить по-французски, тогда г-н Гросс ему сказал по-немецки: «Остерегайтесь кумушки», разумея тут меня. И удалились в сад.[3]

Поскольку косвенным путем раздобыть полезные сведения удается редко, можно прибегнуть и к более радикальному способу: напрямую обратиться к дипломату. В течение долгого времени, пока парижской полицией руководили Клод-Анри Фейдо де Марвиль (1739–1747) и Анри-Леонар Бертен (1757–1759), это казалось невозможным. Так, 3 февраля 1746 г. среди бела дня полиция бесцеремонно арестовала на улице Шерш-Миди князя Владимира Долгорукого, задолжавшего торговцу 1100 ливров. Юноша состоял при посольской миссии и проживал под вымышленной фамилией Ришковский (обычная практика для того времени). Сумма довольно значительная, а посему Гросс обратился напрямую к д'Аржансону и Фейдо де Марвилю, дабы вызволить подчиненного из тюрьмы[4]. В 1759 г., когда также за долги был

---

[1] *Kandakou D., Stroev A.* Les Russes à Paris. P. 117, 118 (донесения от 3 мая, 11 июня и 5 июля 1744 г.).

[2] Ibid. P. 119 (донесение от 20 августа 1744 г.).

[3] Русские парижане. С. 182.

[4] Русские парижане. С. 149–150.

арестован граф Иван Салтыков, русский посланник Михаил Бестужев-Рюмин вступил в конфликт с герцогом де Шуазелем, министром иностранных дел[1].

Антуан де Сартин, руководивший полицией с ноября 1759 г. по май 1774 г., стал сотрудничать с дипломатами. Перед тем как арестовать в сентябре 1761 г. Сергея Пушкина (ок. 1737—1795), вора и мошенника, предка поэта, инспекторы полиции заранее поставили в известность русского посла, графа Петра Чернышева, и согласовали свои действия с герцогом де Шуазелем. Мы вернемся к этому случаю позже[2].

Россияне глазами парижан: городские легенды

Жак Пеше (1758–1830), юрист, журналист, полицейский чиновник времен Революции, затем хранитель архивов в префектуре полиции, писал книги об истории полиции[3]. В 1838 г. литератор Этьен-Леон де Ламот-Лангон, автор поддельных мемуаров по истории Франции, напечатал шесть томов «Записок, извлеченных из архивов парижской полиции, служащих для истории морали и полиции, начиная с Людовика XIV и до наших дней», приписав их Жаку Пеше[4]. Среди прочего он рассказал о знаменитом деле о похищении детей.

Как показали Арлетт Фарж и Жак Ревель в книге «Логика толпы: дело о похищении детей. Париж, 1750» (1988), полиция в качестве профилактической меры задерживала подростков-бродяг и нищих, а также детей ремесленников; родители должны были заплатить полицейским, чтобы их чад выпустили[5].

Жан-Франсуа Барбье записал в дневнике, что поползли слухи, будто детей похищают для того, чтобы исцелить прокаженного

---

[1] Архив князя Воронцова. М.: Типография В. Готье, 1872. Т. 5. С. 76.

[2] См. раздел «Как Сергей Пушкин Вольтера обокрал».

[3] *Peuchet J.* Du ministère de la police générale. Paris: C.-F. Patris, 1814; Collection des lois, ordonnances et règlements de police depuis le 13e siècle jusqu'à l'année 1818. Seconde série. Police moderne. De 1667 à 1789 / Éd. J. Peuchet. Paris: Lottin, 1818–1819.

[4] *Lamothe-Langon E. L. de.* Mémoires tirés des archives de la police de Paris, pour servir à l'histoire de la morale et de la police, depuis Louis XIV jusqu'à nos jours, par J. Peuchet, archiviste de la Police. Paris: Bourmencé, 1838.

[5] *Farge A., Revel J.* Logiques de la foule: l'affaire des enlèvements d'enfants. Paris, 1750. Paris: Hachette, 1988.

принца крови, который принимает кровавые ванны[1]. Об этом маркиза Помпадур сообщила своему брату, а маркиз д'Аржансон рассказал в мемуарах[2]. Фарж и Ревель объясняют, что легенда о прокаженном короле, которого Бог покарал за грехи, восходит к Библии, а затем возрождается в Средние века. Якобы врачи (зачастую евреи) предлагают исцелиться детской кровью императору Константину, Ричарду Львиное Сердце или Людовику XI[3]. Эта легенда соединяется с библейским рассказом об избиении младенцев и слухами о том, что евреи якобы используют в ритуальных целях кровь христианских младенцев, дошедшими до XX в. (дело Бейлиса; устные предания)[4].

В россказнях 1750 г. сам Людовик XV предстает как монарх-кровопийца. Карамзин, посетивший Париж в 1790 г., вольно или невольно переиначил ситуацию. Фраза из «Писем русского путешественника» «народ любит еще кровь царскую!» после Террора и казней Людовика XVI и Марии-Антуанетты приобрела иной смысл[5].

В XIX в. эту тему подхватили легенды о бессмертных вампирах, питающихся кровью. В 1838 г. Этьен-Леон де Ламот-Лангон, уверяя, что пересказывает архивы полиции, сочинил фантастическую новеллу, героем которой стал русский князь:

> Около 1749 года в Париже объявился татарский князь, российский вельможа. То был человек-чудище, гигант, похожий на отпрыска Бриарея или Энкелада. Сторуким он не был, но имел сто слуг, что не менее удивительно. Только богач может так жить на чужбине, и татарин действительно был несметно богат. Его сперва сочли за глупца, но он был всего лишь невеждой, и его татарская сметливость

---

[1] *Barbier J.F.* Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV. Paris: J. Renouard, 1847–1856. T. 3. 1851. P. 125. См. также: *Maillard B.* La rumeur de Tours (1750) // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1996. T. 103. № 1. P. 83–92.

[2] *Farge A., Revel J.* Logiques de la foule. P. 111–112.

[3] *Daniel G.* Histoire de France depuis l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. Amsterdam: F. Changuion, 1742. T. 8. P. 413.

[4] *Fabre-Vassas Cl.* La bête singulière. Les juifs, les chrétiens et le cochon. Paris: Gallimard, 1994; *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005.

[5] *Breuillard J.* Paris et Londres, ou les ambiguïtés de la modernité // Modernités russes. № 3. 2000. P. 213–224.

проявлялась во всем. Остроумие, роскошь, великолепные одеяния, суровый взгляд и высокомерные речи создали ему изрядную репутацию. Звали его князь Креспаткий. По прибытии он объявил, как именно намерен развлекаться. Он не станет посещать Версаль, ибо находится в опале у императора Ивана VI, или, вернее сказать, у регента сего несчастного юного государя, но будет веселиться на славу попеременно с хорошей и дурной компанией.

Во Франции всем правит мода. Шесть месяцев кряду блестящий татарин был у всех на устах: роскошный особняк, пышная обстановка, прекрасные лошади и кареты, изысканный стол, бриллианты, наряды, любовницы, загородный дом и прочие расточительства превосходили самые смелые фантазии. Женщины были от него без ума, мужчины злились. Все блага мира были ему доступны.

Внезапно разнесся слух, что великолепный чужеземец заразился смертельной, страшной и мерзкой хворью. Врачи, к коим он обратился, решительно объявили его бесповоротно погибшим. Их приговор потряс его друзей. А он, рассмеявшись, объявил королю об отъезде и пообещал вернуться через год свежим, сильным и здоровым.

Верилось в это с трудом — болезнь казалась неисцелимой. Ужасная проказа покрывала все тело, и недуг усиливался с каждым днем. Врачи, узнав о безумных упованиях татарина, не стали разубеждать его, посчитав, что химерические надежды помогут перенести боль. Господа Бувар, Фуркё[1] и другие утверждали, что самой вероятной новостью станет кончина князя, и оною ему даже желали, столь ужасно было его состояние.

Прошло пятнадцать месяцев, о князе Треспатком [sic!] забыли совершенно, как вдруг по Парижу и Версалю разнесся слух, что князь вернулся полностью исцеленным и на нем не осталось ни малейшего следа ужасной болезни. Это было более чем удивительно, ибо почиталось невозможным.

Многие знатные особы, светские дамы и девицы легкого поведения, видели благородного чужеземца во власти ужасного недуга; все они захотели воочию узреть чудо, и все согласились, что чудо свершилось: прыщи, гнойники, струпья, нарывы — все исчезло. Татарин вновь обрел прекрасный бело-розовый оттенок кожи;

[1] Врач Мишель-Филипп Бувар, ректор медицинского факультета, и его родственник Бувар де Фуркё, генеральный прокурор парижской Счетной палаты.

вернулся румянец, исцелись веки, ресницы и брови, ранее изъеденные болезнью.

Медицинский факультет разволновался, возопил, выдвинул самые нелепые предположения, отрицал сперва существование болезни, затем исцеление, но факт был налицо: пятнадцать месяцев спустя двести человек из разных сословий подтвердили состояние князя до и после. Кончили тем, с чего должны были начать: согласились, что тайное лечение свершило чудо.

То была сущая правда: князь полностью исцелился благодаря снадобьям, победившим недуг.

Но что это были за средства? Лечение даровало больше, чем жизнь: оно вернуло былую красоту. Десять тысяч голосов вопрошали, сто близких друзей, триста женщин, придворных дам, актерок и шлюх добивались свидания. Ценой своих прелестей они желали узнать секрет, спасающий от разрушительного действия старости или болезни. Галантный татарин любезно принимал дам и удовлетворял все их желания, за исключением любопытства.

Меж тем три счастливейшие особы были посвящены в жгучую тайну. То были герцогиня О…, женщина жестокая, бесстыдная, безнравственная, бессовестная, но поистине великосветская дама; граф де…, совершеннейший вельможа, грубый, ревнивый и злобный, почитавший, что жизнь других создана для его развлечения или выгоды, ненавидимый всеми и презираемый большинством, внушавший омерзение ко всему своему сословию; и наконец маркиз де М…, граф, а позднее герцог С…

Основным лекарством и лечением, исцеляющим испорченную кровь, было переливание молодой, свежей, чистой крови[1]. Сперва производилось полное кровопускание, затем с помощью специально изготовленного прибора пускали в пустые вены жидкость, взятую от умерщвленных сим способом детей. Редкие растения, минералы, исторгнутые из земли в тайных местах, и сопутствующие обряды придавали операции сатанинский характер. Вот подлинная копия, сделанная г-ном Ленуаром[2] с письма об этом графа…, адресованного Его Величеству Людовику XV. Оно показывает, в какие заблуждения

[1] Современный читатель вспомнит о теории омоложения А. А. Богданова, создавшего в 1926 г. Институт переливания крови и погибшего от почти полного переливания два года спустя (возможно, из-за несовместимости группы крови).

[2] Глава парижской полиции.

> могут впасть знатные люди, обуянные преступной манией. Можно сказать, что привычка пользоваться всем побуждает их всеми помыкать, и даже самое рабское послушание не может утолить их причудливые прихоти. Ясно, что все тогда им кажется пресным, если не приправлено каким-нибудь злодейством[1].

Разумеется, сочинитель множит анахронизмы: Иван VI был провозглашен императором в возрасте двух месяцев при регенте герцоге Бироне, вскоре свергнутом Анной Леопольдовной, матерью ребенка. В 1741 г. Елизавета Петровна совершила переворот, взошла на престол и отправила младенца в заточение. Ламот-Лангон изображает татарского князя в духе романов маркиза де Сада и Шодерло де Лакло, вдохновляясь персонажами «Преуспеяний порока» и «Опасных связей»: великаном-людоедом Минским и маркизой де Мертей[2].

Позднее Габриель-Анна де Систерн де Кутира, виконтесса де Пуалю де Сен-Мар, писавшая под псевдонимом графиня Даш, еще сильнее расцветила историю «вампира Креспаткого, заклятого врага Ришелье», разумеется, представив ее как подлинную[3]. Нам она интересна именно стереотипами восприятия русских во Франции, которые мы замечаем и у полицейских, и у писателей.

Русская колония в Париже в XVIII веке

Свет с Севера?

В послании к Екатерине II Вольтер льстиво уверяет, что отныне свет Просвещения приходит с Севера. Однако на протяжении всего XVIII в. россияне приезжают в Париж, дабы набраться лоску. Учатся они быстро, но это не мешает парижанам посмеиваться над ними. Луи-Себастьян Мерсье в «Картинах Парижа» обращается к русскому (главы «Преподаватели приятных манер», «Драгоценные

---

[1] *Lamothe-Langon E. L. de*. Mémoires tirés des archives de la police de Paris […]. Paris: A. Levavasseur, 1838. T. 2. P. 133–139.

[2] Об образе русских во французских романах XIX в. см: *Krauss Ch.* La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle. 1812–1917. D'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam: Rodopi, 2007.

[3] Les Galanteries de la cour de Louis XV. La Régence / Par la comtesse Dash [1re éd. 1861]. Paris: M. Lévy, 1862. P. 293–297, 312.

вещи») и объясняет, что «существуют особые преподаватели, обучающие манерам и всему, что необходимо знать молодым людям, желающим овладеть искусством нравиться! Это искусство имеет свои законы и развивается не ощупью, как на берегах Невы»[1].

Русским, возможно, недостает изящных манер, зато денег у них хватает. Они приезжают одеться по моде и поразвлечься. И если высшая знать общается с аристократами, то остальные посещают театры, кабаки и злачные места, за коими следит полиция.

Полицейские и девки

Обычно инспектора держатся в тени и доверяют деликатные поручения частным лицам. Они, как правило, прибегают к услугам девиц легкого поведения, содержанок, танцовщиц кордебалета в Опере и актрис Итальянского театра. В своих мемуарах Ленуар утверждает, будто численность тайных осведомителей и осведомительниц была много ниже, чем те баснословные цифры, что приводила молва, а их значение в работе полиции было не слишком существенно. Однако донесения комиссаров полиции свидетельствуют об обратном. Чужестранцы весьма охочи до модных куртизанок: такой связью можно затем похваляться у себя на родине, в салонах и при дворе. Можно вступить в соперничество с французскими или другими европейскими щеголями. Что до девиц, то они облегчают кошелек северных увальней, а взамен обтесывают их.

Вот несколько примеров. В донесениях полиции князь Андрей Белосельский, посланник при саксонском дворе, предстает как персонаж комедии. В 1761 г. он тратит по меньшей мере 80 000 ливров на Лакур, танцовщицу Оперы, а она изменяет ему с Бомарше и с мушкетером де Бюси и порывает с русским, полностью общипав его. Жена про это узнала, князь испугался, что она пожалуется посланнику в Париже графу Чернышеву и герцогу де Шуазелю, и обращается к инспектору полиции, дабы замять дело.

В 1762 г. Андрей Белосельский ограничивается разовыми посещениями девиц Лафон, Радзетти, Дюарле, Россиньоль, Сиам и Дюбуа, которые за 10–50 луидоров забывают на время о своих основных любовниках. Некоторые заботятся не только о деньгах,

---

[1] *Мерсье Л.-С.* Картины Парижа / Пер. В. А. Барбашевой под ред. Е. А. Гунста. М.: Academia, 1935. Т. 1. С. 401.

но и об облике русского, как о том свидетельствует донесение инспектора полиции нравов Луи Маре от 19 ноября 1762 г:

> На днях князь Белосельский подарил танцовщице кордебалета Оперы девице Сиам, кою содержит принц Лимбургский, несколько прекрасных штук ткани. В прошлую среду сия барышня была в Итальянском театре в самом что ни на есть изысканном облачении. Князь Белосельский сидел в ложе напротив, и не было зрелища смешнее, чем сей русский, весьма упитанный от природы, пытавшийся своими ужимками подражать нашим петиметрам. Девица Сиам, приняв подарки, в то же время изрядно позабавилась и без конца повторяла шевалье де Бюси: «Вы должны дать ему несколько уроков; коли сумеете сделать из него щеголя, то обретете бессмертную славу». «Неуклюжий вид его неисправим, — отвечал ей де Бюси, — да и ты не оставила ему ни су, чтоб заплатить учителю»[1].

Другой соперник князя — Джакомо Казанова, добрый знакомый Андрея Белосельского и его младшего брата Александра. Его мать, актриса Дзанетта Казанова, играла в придворном саксонском театре. Джакомо познакомился с Андреем в Дрездене в 1766 г., возвращаясь из России, и, возможно, виделся с ним в Риме с 1770–1771 гг. Младший брат Джакомо, художник Джованни Батиста Казанова, директор Академии изящных искусств в Дрездене, в 1769 г. участвовал в продаже Екатерине II коллекции картин графа фон Брюля, а затем, в 1770–1771 гг., сопровождал Андрея Белосельского в поездке по Италии[2].

Россияне частенько посещают одних и тех же девиц, как, например, итальянку Гертруду Соави (Сюави), любовницу Джакомо Казановы. Венецианец встречался с ней в Италии и в Париже, где она танцевала в Опере и была на содержании у русского вельможи[3]. Юный граф Александр Воронцов так ей увлекся, что

---

[1] Русские парижане. С. 236.

[2] См.: *Stroev A.* Les frères Casanova et le prince Alexandre Belosselski // Casanova. Fin de siècle. Paris: H. Champion, 2002. P. 55–72.

[3] *Casanova G.* Histoire de ma vie. T. 3. P. 839. См. также: *Stroev A.* Des «frères» et des filles: la reconstitution du réseau des connaissances maçonniques russes de Casanova // Casanova forever: Catalogue. Montpellier: Éditions Dilecta — FRAC Languedoc-Roussillon, 2010. P. 245–260.

взял на содержание в 1759–1761 гг., и платил ей годовую ренту в 12 000 ливров до 1764 г. уже после отъезда из Парижа. Сюави принимала также разовых посетителей, в том числе графа Петра Апраксина в 1761 г. и князя Дмитрия Голицына в 1764 г. В 1766 она удалилась на заслуженный отдых в Италию.

Девица Рей, танцовщица кордебалета в Опере, в 1761 г. привлекла внимание графа Петра Апраксина и князя Дмитрия Голицына. Девицей Россиньоль заинтересовались граф Петр Репнин в 1761 г. и князь Андрей Белосельский в 1762 г. Репнин к тому же посетил девиц Летуаль в 1761 г. и Фамфаль в 1762 г. (обе состояли при заведении дамы Эке).

Дмитрий Голицын посещал заведение дамы Гурдан и содержал девицу Сир, она же Дорне, танцовщицу в Опере до 1767 г., составившую себе изрядное состояние. Дидро рассказал об их отношениях в новелле «Мистификация, или История портретов»[1]. В 1761 г. Дорне приняли в Общество элегантных дам (Société des Élégantes), кое объединяло самым блестящих актерок Оперы и организовывало ужины с аристократами. Этот своеобразный «профсоюз» обеспечивал богатого покровителя каждой вступившей в него даме.

Как мы видим, находящиеся под контролем полиции девицы легкого поведения придают лоску «русским парижанцам», приехавшим в столицу Европы прожигать жизнь, и обирают их до нитки. Как здесь не вспомнить Бланш де Коменж из «Игрока» Достоевского.

Источники информации

Точность и элегантность донесений не удивляет. Полицейские пишут, как профессиональные писатели, подстраиваясь под главного своего читателя — монарха. Людовик XV Возлюбленный не чурался прекрасного пола (ему регулярно поставляли красивых девушек) и по утрам читал или слушал отчеты полиции нравов. Инспекторы адресуются генерал-полицмейстеру, а через него — королю. Это ясно видно в донесении от 6 декабря 1765 г., рассказывающем об актерке Кларимонд, новой любовнице графа Кирилла Разумовского:

[1] *Catrysse J.* Diderot et la mystification. Paris: Nizet, 1970; *Benot Y.* Diderot, de l'athéisme à l'anticolonialisme. Paris: François Maspero, 1981; *Diderot D.* Contes et romans / Éd. M. Delon. Paris: Gallimard, 2004.

> Как говорится, все в нашем мире прихоть, ибо по правде барышня не обладает никакими чудесными качествами, как Вы сами сможете убедиться завтра, милостивый государь, когда она явится к Вам на аудиенцию[1].

Пикантные и ироничные рассказы этих лет решительно отличаются от скучных и однообразных донесений времен царствования Людовика XVI, ибо этот король любовными похождениями не интересовался.

Отчеты о слежке за иностранцами адресованы начальнику полиции и министру иностранных дел, которые постоянно сотрудничают. Как мы уже видели, они включают донесения осведомителей, сведения, полученные от слуг, от держателей питейных заведений (супруги Прево), хозяев домов свиданий и от девиц, нередко высмеивающих своих коллег и клиентов.

> Все сие может показаться баснословным, но в следующем донесении я надеюсь предоставить тому убедительное доказательство, получив в руки письмо, написанное сей дамой [графиней Салтыковой] нашему офицеру. К тому же названный г-н Демар попросил у одного из своих приятелей пустить его к себе в дом, дабы иметь больше удобства в общении с дамой, и просьба его будет удовлетворена, а сей самый приятель преданно служит мне и, видя мои сомнения на сей счет (ибо в подобного рода делах всегда требуется изображать сомнение, дабы убедиться в достоверности происходящего), предложил мне подслушать из соседней комнаты разговор любовников. Увидев, сколь уверенно и твердо он говорит, я сказал ему, что довольствуюсь письмом от дамы (6 мая 1763 г.)[2].

Россияне своих соотечественников не щадят:

> Граф Салтыков большой русский вельможа, обретающийся в Париже с госпожой своей супругой, заразил венерической болезнью, как все о том утвердительно говорят, актрису Комической оперы бедняжку Люси. Самому мне о том поведал князь Белосельский. «Никогда еще

[1] Русские парижане. С. 297.

[2] Там же. С. 258.

> не видано было, как молвят, чтоб яд за столь малое время причинил столь много вреда, да с трудом верится, чтоб она смогла перенести воздействие снадобий. По правде говоря, дворянину следовало бы иметь больше человечности». И впрямь, его одноземцы редко располагают сим качеством (11 сентября 1761 г.)[1].

Многие сведения о происхождении, титулах, чинах и заслугах русских настольно подробны и точны, что встает вопрос: кто их поставляет? Видимо, в первую очередь те, кто долго жил в России. Таков Николя-Габриель Клер (Леклерк), в течение многих лет личный врач графа Кирилла Разумовского, затем профессор Сухопутного кадетского корпуса. В жительство свое в Петербурге в 1769–1775 гг., во время войны между Россией и Турцией, он поставлял секретные сведения французским и шведским дипломатам[2]. Вернувшись на родину, он предложил свои услуги МИДу и написал «Историю России». Сотрудничал ли он полицией? Прямых доказательств этому нет, но внимание привлекает отчет от 1 ноября 1776 г., посвященный приезду в Париж старшего сына Кирилла Разумовского, Петра[3]. В донесении полиции так много сведений о семье, о русской истории, политике и культуре, что кажется вполне вероятным, что поставлял их Леклерк. Но он сам отчет не писал, ибо упоминается в нем. Автор или осведомитель явно жил в Москве, карьеру не сделал и затаил обиду.

Разумеется, сведения также поставляют литераторы, завсегдатаи светских салонов. Ленуар в своих воспоминаниях поминает некоего юного и бедного писателя, вхожего в особняк д'Обюссон и регулярно писавшего донесения[4]. Роберт Дарнтон упоминает многих писателей, сотрудничавших с полицией, в том числе

---

[1] Русские парижане. С. 256.

[2] См: *Stroev A.* Les espions français en Russie durant la guerre entre la Russie et la Turquie (1768–1774) // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. Paris: Institut d'études slaves et Presses de l'Université de Paris–Sorbonne, 2004. P. 581–598; *Mézin A., Rjéoutski V.* (dir.). Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. T. II. P. 492–495; *Somov V.* Education et propagande: Nicolas-Gabriel Le Clerc, directeur des sciences et des études au corps des cadets nobles, et son traité pédagogique // Quand le français gouvernait la Russie: l'éducation de la noblesse russe 1750–1880. Paris: L'Harmattan, 2016. P. 143–178.

[3] Русские парижане. С. 422–424.

[4] *Lilti A.* Le monde des salons. P. 393.

будущего деятеля Революции Жан-Пьера Бриссо де Варвиля, шевалье де Муи и даже Луи-Себастьяна Мерсье.

Можно выделить четыре типа сведений о «русских парижанцах»: фактографические (в такой-то день имярек был в таком-то салоне, в театре, в гостях), биографические (обычно довольно точные, хотя полицейские зачастую путают членов больших семей), нравоописательные и политические (хотя русские не слывут заговорщиками, в отличие от ирландцев). Рассказы об их любовных похождениях частенько ироничны и забавны.

Под пером полицейских вельможи и актерки ведут себя как персонажи комедий, состязаются в остроумии и хитростях. Об этих приключениях мы подробно рассказывали в наших статьях[1], а потому приведем лишь самые примечательные.

Генерал Михаил Яковлев понудил девицу Файон переселиться к себе, оплатил ее долги, выкупил заложенные ею за 60 луидоров наряды и не выпускал из дома, «уговаривая предаться неслыханным наслаждениям». Когда она отказалась, он оставил у себя всю ее одежду в возмещение расходов и выпроводил из дому в тапочках и постельном покрывале (9 марта 1764 г.)[2].

> Русский граф Боборыкин [*Bouraquinois*], коего граф Бутурлин представил актрисе Итальянского театра Бопре, отужинал с ней, но не удовлетворил, ибо после того, как воспользовался ею как хотел, счел, что щедро вознаградит ее пятнадцатью луидорами. Но девица, напротив, выказала недовольство, обрушилась на него с бранью, крича, что она-де в ладах с полицией, что она научит его удовлетворять ее иным способом и все такое прочее, из чего он вынес низкое мнение о воспитании наших актрис. Потому он объявил Брисо, что впредь будет посещать только ее заведение, дабы избежать споров об оплате (28 августа 1767 г.)[3].

---

[1] *Строев А.* «Взяла Лаиса микроскоп…». Русские вельможи и парижские актрисы: литературные и исторические контексты пушкинской эпиграммы // Русская литература. 2014. Т. 76. С. 85–96; *Stroev A.* Eighteenth-Century Russian Writers and Parisian Actresses in Life and Literature // Literature in Exile: Emigrants' Fiction 20th Century Experience. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 345–353; *Kandakou D.* Surveiller et policer: le contrôle des Russes et des Polonais à Paris sous Louis XV et Louis XVI // La Face cachée des Lumières: libres penseurs, hérétiques, espions. Paris: H. Champion, 2020. P. 261–274.

[2] Les Russes à Paris. P. 219.

[3] Ibid. P. 234.

> Граф Апраксин, который вот уже две недели как опекает девицу Шедевиль, танцовщицу кордебалета в Опере, тем не менее захотел полакомиться насчет девицы Сюави, танцовщицы того же спектакля. Я не знаю, чего это ему стоило, но есть все основания полагать, что он остался ею недоволен, ибо во всеуслышание заявляет, что она хороша лишь *на театре* (13 февраля 1761 г.)[1].

> Русский князь гетман Разумовский [*prince de Razomowky*], видом и статью напоминающий резвого скакуна, посетил 16 числа сего месяца девицу Грекур, коя не на шутку обрадовалась, вообразив, будто имеет дело с недюжинным силачом, но крепко обманулась в своих ожиданиях, ибо, как она уверяет, не только потребен микроскоп, дабы узреть его прелести, но вдобавок, вопреки пословице «мал золотник, да дорог», тот выдохся после первой скачки и никакими ухищрениями ни вздоха более от него нельзя было добиться. Воистину, много гонору, да мало толку. Десять луидоров послужили ей в утешение (22 ноября 1765 г.)[2].

Полицейские подражают авторам комедий, мечтающим исправлять нравы смехом (*Castigat ridendo mores*). Однако граф Кирилл Разумовский об их писаниях не ведает и остается самим собой. Согласно донесению от 1 ноября 1776 г.,

> Бывший гетман умеет здраво рассуждать, чем можно было бы воспользоваться, не будь его образование столь несовершенно. Но что говорить об образовании в стране, где не находят лучшего способа научить детей иноземным языкам, как приставив к ним людей, кои оных не знают, благопристойности не имеют и в науках не сведущи![3]

Однако осведомитель сосредотачивается на событиях 1750–1760-х гг. С той поры Кирилл Разумовский во Францию не приезжал. Возможно, выражение «чем можно было бы воспользоваться» намекает на попытки французских дипломатов сблизиться с ним и предложить создать независимое казачье государство[4].

---

[1] Русские парижане. С. 227.

[2] Там же. С. 297.

[3] Там же. С. 424.

[4] *Stroev A.* Les espions français en Russie durant la guerre entre la Russie et la Turquie (1768–1774) // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. P. 581–598.